

Гадеев

АНТИГИТЛЕРОВСКАЯ КОАЛИЦИЯ, ВОЗМОЖНОСТИ И РЕАЛЬНОСТИ.

Современный прорыв в сфере научного осмысления различных общественных процессов связанных с духовным обновлением общества наряду со многими другими глубинными процессами вызвал огромный интерес к истории нашей страны. Многие стали достоянием гласности, одно за другим исчезают «белые пятна». И все же жажда исторической правды в нашем обществе далеко не удалена. У современного исследования и просто читателя остается много вопросов связанных с оценкой политических событий предвоенного периода, и особенно советско-германских отношений накануне войны.

С высоты десятилетий мы видим, какую огромную историческую роль сыграла антигитлеровская коалиция, освободившая человечество от фашистской угрозы. Почему же она не возникла раньше и не поборола фашизм до того, как он начал реальное осуществление своих захватнических планов?

Ответ на этот вопрос надо искать в противоборстве интересов тех держав или групп держав, которые определяли международную атмосферу того времени.

Ведь антигитлеровская коалиция с участием государств различных общественных систем возникли тогда, когда ее участники поняли общечеловеческий по своим масштабам характер фашистской угрозы, осознали общность интересов и необходимость объединения усилий для кординально7го решения этой глобальной проблемы.

Сделаем небольшое илософское отступление. Мир, свободный от войн и кровавых конфликтов, был идеалом, проповедовавшимся лучшими умами человечества. Вспомним в данной связи хотя бы проекты «Вечного мира» И. Канта, где выдвигались возможные пути и способы утверждения нерушимых мирных взаимоотношений между народами. Вслед за ним основатель позитивизма О. Кант обосновал мысль о том, что уже в его время войны стали анахронизмом. Война, подчеркивал Кант, была необходима в доиндустриальную эпоху для принуждения ленивых и склонных к анархии людей к труду, а также создания больших государств. С наступлением индустриального общества, где богатство зависит не от завоеваний, а от научной ориентации труда, исчез военный класс, а с ним и причины воевать примат пришел к трудовой деятельности, трудовым ценностям. Поэтому, утверждал Кант, «наступила эпоха, когда серьезные и продолжительные войны должны полностью исчезнуть у лучшей части человечества».

В этом же духе Г. Бокль, Р. У. Эмерсон, Г. Спенсер и их приверженцы полагали, что распространение принципов свободной торговли во всемирном масштабе постепенно приведет к интернациональному разделению труда и экономической специализации, что, в свою очередь, будет способствовать усилению взаимозависимости различных стран и народов и, в конечном счете, к их отказу от войны как средству межгосударственных споров. Эта традиция нашла свое наиболее законченное выражение в идеях пацифистов от квакеров во главе с У. Пенном в XVIIIв. до участников антивоенных движений наших дней. Вспомним в данной связи, что, вступая в Первую мировую войну на завершающей ее стадии, Америка в лице президента В. Вильсона провозгласила своей целью ни мало ни много как «спасение мира для демократии». Предполагалось, что она будет последней войной, признанной положить конец всем войнам. Однако всего лишь через двадцать лет после Версаля и известных «14 пунктов» В. Вильсона вся планета стала ареной невиданной в истории человечества, как по своим масштабам, так и по своей жестокости всемирной бойни.

Главным инициатором Второй мировой войны был фашизм. Но если смотреть шире, то война вырвалась из недр общественной, международной и психологической структуры, которая сложилась в Европе и Азии в первом десятилетии века из-за абсолютизации власти личностей в государстве, в какой-то степени отказа от принципов человечности. Допускаю, что при определенных обстоятельствах осознание общности антифашистских интересов могло возникнуть значительно раньше. И не было бы тогда ни мюнхенского соглашения 1938 года, ни советско-германского договора 1939 года, а возможно, и войны вообще. Но этого не случилось. История пошла иным путем. Переделать ее не дано ни кому. Мы в состоянии лишь понять ее и сделать для себя соответствующие выводы на будущее.

Агрессивная сущность германского фашизма проявилась с самого зарождения этого движения. Нацистская партия еще в 1920г году записала в свою программу требования территории «для пропитания нашего народа и для поселения нашего избыточного населения». Тогда мало кто в мире обратил на это внимание. Но когда нацизм пришел к власти в стране, экономически и технически высокоразвитой, располагающей значительным людским потенциалом, к тому же еще и сохранившей в определенной общественной прослойке дух прусской военщины, возникла новая политическая ситуация. Агрессивность фашизма вышла на первый план. Более того, при определенных условиях народ может стать не меньшим, а порой значительно большим, чем единоличный диктатор, тираном. Предоставив народу *panem et circenses*, римские императоры завоевали почти всю известную в тот период ойкумену. Разного рода посулами А. Гитлер принудил немецкий народ избрать его канцлером Веймарской республики. Неожиданное впадение немецкого народа в «неслыханное варварство» С. А. Франк рассматривал как «проявления духовного заблуждения всего европейского человечества».

К середине 30-х годов в антифашистской борьбе сложились два основных направления. Советский Союз предпринимал шаги к консолидации всех государств, лидеры которых стояли, пусть по разным причинам на антифашистских позициях. В конце 1933года советские дипломаты начали активно зондировать позицию западных держав, выясняя возможности создания эффективной системы коллективной безопас-

ности. Это была не конъюнктурная, а стратегическая линия, рассчитанная на пресечение фашистской агрессии в самом ее зародыше. В рамках этой линии возникли соглашения с Чехословакией и Францией, предпринимались попытки осуществить коллективные действия против итальянской агрессии в Абиссинии, по спасению республиканской Испании, против японского вторжения в Китай.

К сожалению, стратегическая линия Советского Союза не встретила подлинного понимания и поддержки во всем мире в силу того, что западные державы рассматривали СССР, как классово чуждую им, как тоталитарное государство и потенциальный источник мировой революции, которая поставила бы под угрозу буржуазно-демократические ценности. Недоверие к СССР накапливалось и в результате внутренних процессов, проходивших в стране, сталинизм и миллионы репрессированных, «фаскрестьянивание». Революционный режим Советского Союза, который считался в политическом отношении подозрительным, а в экономическом и военном – слабым, должен был остаться за рамками западного мира.

Существовала и принципиально иная линия взаимоотношений с фашистской Германией – попытаться умиротворить ее за счет интересов других стран. Назвать эту линию антифашистской борьбой в полном смысле этих слов, видимо, нельзя. Умиротворенческие акции Англии и Франции, поддерживаемые Соединенными Штатами, привели лишь к укреплению политических, а затем и военных позиций агрессора. Западные политики поняли это 1 сентября 1939 года, когда немецкий линкор «Шлезвиг-Гольштейн» обстрелял пограничный гарнизон на Вестерплатт, и началось вторжение в Польшу сухопутных сил вермахта, то есть когда вторая мировая война стала реальностью.

Могли ли две эти линии дать синтез, привести Советский Союз и западные державы к образованию общего антифашистского потенциала до того, как война разразилась? Многие откровенные ученые на этот вопрос отвечают отрицательно.

Если мы обратимся к политическим реалиям 1938-1939 гг., то увидим, что западные державы вели сложную игру, которая, несмотря на растущую угрозу фашизма, была направлена не столько против Германии, сколько на защиту своих национально-государственных интересов. Во главе Англии и Франции стояли политики, которые были не прочь увести фашистскую агрессию на Восток, а потом посмотреть, что из этого выйдет. Через тридцать лет британский премьер-министр Макмиллан, оценивая политическую ситуацию перед войной, подтвердит: «Советский Союз имел все основания предполагать, что на Западе будут рады, если СССР и Германия окажутся в состоянии войны».

Английские лидеры не хотели чтобы СССР стал фактором европейской политики, и не понимали, что это уже свершилось. Они надеялись, что вершителями европейских судеб будут Англия и Германия, и забывали при этом подчас даже о Франции, тем более о других странах. Отсюда и вялые переговоры с Советским Союзом, не рассчитанные на достижение серьезных соглашений. Трудно оценить, исчерпала ли на этих переговорах все возможности советская сторона. Однако в том, что англичане и французы не стремились к договоренности, советские представители убедились в полной мере.

Чемберлен рассматривал названные переговоры как «паллиатив», как полумеру. До тех пор пока это было возможно, он противился советскому желанию заключить договор о взаимопомощи.

Важно реалистически оценить и позицию Соединенных Штатов того времени. Политика США в европейских делах сводилась главным образом к поддержке соглашательской линии Англии и Франции. Достаточно хорошо исследованы и тесные связи крупного американского бизнеса с германской промышленностью. Процесс осознания фашистской угрозы протекал в Америке крайне медленно. Рост антисоветских настроений опережал его.

США, которые в конце концов приняли сторону Великобритании и Советского Союза в борьбе против национал-социалистической Германии, боролись при этом не за существующие системы равновесия западноевропейских держав, казавшейся им непригодной, и не за сталинскую систему коммунистического классового господства, а за единство мировой торговли, свободы и мира в интересах Америки.

Некоторые исследователи проявляют склонность идеализировать взгляды и позицию президента Рузвельта. Однако выдающийся американский лидер далеко не сразу встал на решительные антифашистские позиции. В предвоенный период американская администрация не поддержала ни одной инициативы по сдерживанию фашистской агрессии. Наоборот, ее шаги скорее поощряли агрессоров на новые и новые захватнические акции. Рузвельт в то время не был готов отнести к Советскому Союзу как к важному политическому субъекту на международной арене, не говоря уж о том, чтобы достойным образом рассматривать и учитывать интересы СССР.

Взвесив все эти факты, можно утверждать с полной определенностью: советско-германский договор от 23 августа 1939 года возник не вдруг, а в очень сложной, удручающей для СССР международной обстановке. Реальных перспектив на создание антифашистской коалиции не имелось. Ведущие западные державы не только потакали фашистской агрессии, но и со всей очевидностью пытались направить ее против Советского Союза. Япония вела военные действия в Китае, пробовала силы против СССР, создала нестабильную обстановку на Дальнем Востоке. Ближайшие западные соседи – Польша, Румыния, прибалтийские государства – проявляли по отношению к СССР враждебность. Не забудем и о том, что к августу 1939 года Англия, Франция и ряд других государств уже заключили с Германией договоры о ненападении.

Запад обрекал Советский Союз на пассивное ожидание событий с непредсказуемыми последствиями вплоть до создания широкого блока капиталистических держав на антисоветской основе. В этих условиях Сталин и Молотов пошли на крупный дипломатический маневр с перспективой улучшить международные позиции и отодвинуть возможное столкновение с силами агрессии: они приняли предложение Германии о

заклучении пакта. СССР решительно напомнил, что является важным фактом мировой политики, с которым нельзя не считаться. В сложившейся обстановке, когда речь шла о судьбах страны, договор о ненападении с Германией отвечал государственным интересам. Серьезной альтернативы ему не существовало.

Мне кажется, что в спорах вокруг договора от 23 августа зачастую смешиваются два слоя событий: сам договор, условия его заключения – и все, что произошло после его вступления в силу. Но ведь последующие ошибочные решения определялись не самим договором, а курсом, который избрали Сталин и Молотов и которого они придерживались вплоть до 22 июня 1941 года.

Договор вовсе не требовал от СССР ограничения международной деятельности советско-германскими отношениями, абсолютизация их. Оставались немалые возможности для маневрирования, Сталин же при полной поддержке Молотова оказался в плену навязчивой идеи: советско-германское сближение – единственный путь оттянуть участие Советского Союза в новой мировой войне, а может быть, и вообще остаться в стороне от нее.

Дипломатия единственного варианта редко приводит к успеху. Сталин же с маниакальной последовательностью и удивительной слепотой отбрасывал все иные возможности. Информация, противоречащая заданному курсу, просто не анализировалась им и даже не рассматривалась. Не провоцировать Германию, ничем не обострять отношения с ней, пунктуально выполнять все двусторонние договоренности – в этом Сталин и Молотов видели залог успеха своей внешней политики.

28 сентября 1939 года между Советским Союзом и Германией был подписан новый договор, на сей раз «о дружбе и границах». Линия на углубление советско-германских отношений обеспечивалась и другими соглашениями, в том числе экономическими. Практически полностью была прекращена антифашистская пропаганда. Меры по укреплению Красной Армии и усилению оборонного потенциала страны не прекращались, но они как бы повисали в воздухе – исчез реальный противник, с которым предстояло бороться.

Складывается впечатление: Сталин вообще не думал о том, что линию на советско-германское сближение надо бы объяснить и обосновать. Интервью Ворошилова газете «Известия» о причинах прекращения англо-франко-советских переговоров было не убедительным. В выступлениях Молотова того времени солидной аргументацией в пользу договоров с Германией не приводилось. А некоторые его высказывания, например о Польше, носили просто беспардонный характер.

Тревогу по поводу возможностей фашистской агрессии глушили бравурными победными маршами. Народу внушали, что «Красная Армия всех сильнее» и немедленно разгромит агрессора. Именно в этом плане обыгрывались победы над японскими частями у озера Хасан и на реке Халхин-Гол, освобождение западных областей Украины и Белоруссии. Даже итоги финской войны преподносились в том же мажорном ключе.

В ноябре 1940 года состоялась поездка Молотова в Берлин и его беседы с Гитлером и Риббентропом. В ходе их Молотов выразил недоумение по поводу сосредоточения германских войск в Польше, вблизи советской границы. Последовал ответ, что, дескать, подобная дислокация призвана уберечь германские войска от воздушных бомбовых атак англичан. Советское руководство удовлетворилось этими наивными разъяснениями. М это в то время, когда завершилась разборка плана «Барбаросса» и дело шло к определению даты нападения на СССР.

Сталин упрямо и прямолинейно вел избранную линию – оттянуть войну любыми средствами. Провал этой линии, грубые просчеты Сталина дорого стоили народу.

Среди историков на Западе существует точка зрения, что советско-германский договор 1939 года развязал руки Гитлеру и подтолкнул его к началу второй мировой войны. При этом игнорируются многие исторические факты, среди них и тот, что нападение на Польшу было определено и спланировано задолго до заключения советско-германского договора. Со своей стороны исследователи в основном ищут истоки войны в соглашательских по отношению к фашизму действиях западных держав.

Думается, что сегодня пора найти иной, очищенный от эмоций и привязанности подход к оценке этой сложной проблемы. Фашизм, так или иначе, привел бы мир к военной катастрофе, ибо на его знамени было открыто и броско написано: мировое господство, «новый порядок» и уничтожение всего, что в этот «порядок» не вписывается. А не вписывались в него целые государства и народы. К сожалению, с помощью политических трюков, демагогии и фарисейства фашистскому руководству удалось на время разобщить мир, и антигитлеровская коалиция была создана с опозданием. Сыграли свою роль и антисоветские настроения западных руководителей, и недальновидные действия Сталина и Молотова. И то и другое надо взвешивать трезво и объективно.

Антигитлеровская коалиция сложилась в войне против фашизма. Для нас важны как отрицательные уроки предвоенных лет, так и позитивный опыт совместной борьбы против агрессора. Первые зовут нас к мудрости и рассудительности при решении глобальных проблем, вставших перед человечеством в ядерно-космический век. Второй показывает, что человеческое общество, в состоянии подняться над групповыми интересами, объединить свои силы и обеспечить жизнь и прогрессивное развитие на нашей планете в противоречивом, но целостном и взаимозависимом мире.

- Готфрид Нидхарт. «Странная война», которая привела к «блицкригу». В кн. Вторая мировая война. // Москва. – Весь мир. – 1997. – с. 46.
- Клаус Хильдебринд. Война в условиях мира и мир и мир в условиях войны. В кн. Вторая мировая война // Москва. – Весь мир. – 1997. – с. 38.